

ИСТОРИИ ПОПАДАНЦЕВ

ТОЛЬКО
ДЛЯ «ЛИТРЕС»

АЛЕКС А. АЛМИСТОВ

ТРАНССФЕРЫ
«БЕРМУДСКИЙ»
ТРЕУГОЛЬНИК
ВСЕЛЕННОЙ

Истории попутанцев

Алекс А. Алмистов

**Трансферы. «Бермудский»
треугольник Вселенной**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Алмистов А.

Трансферы. «Бермудский» треугольник Вселенной
/ А. Алмистов — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого», — (Истории попаданцев)

Далекое Будущее (2199 год от рождения Христова), совсем недавно закончилась очередная Мировая Война Запада с Востоком...
Главный герой — космо-пилот Герман Леваневский — бывший боевой офицер и герой войны, вначале возвеличенный, а затем за свою строптивость и сложный характер разжалованный из подполковника в лейтенанты и даже отправленный на каторгу — никак не может себя найти в мирной жизни. К тому же, в результате несчастного случая (пропавшая научная экспедиция) он теряет свою возлюбленную и оказывается на грани суицида. «Максималист» по натуре Леваневский начинает откровенно искать свою смерть в рискованных авантюрах и сознательно обрекает себя на всевозможные неприятности... Но... не тут-то было! Сама Природа, в форме мира без пространства и времени — Трансфера, вмешивается в ход событий и в корне ломает не только наивные представления самого Леваневского о его «единственно возможном» будущем, но и коварные планы пославших его на верную смерть чиновников Лиги Наций.

© Алмистов А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРОЛОГ	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Алмистов
Трансферы. «Бермудский»
треугольник Вселенной

Научно-фантастический роман

ПРОЛОГ

Трансферы¹ – малоизученные области Вселенной, характеризующиеся высокой степенью инвариантности пространственно-временного континуума и полным отсутствием гравитационных, электромагнитных, ядерных и биофизических свойств.

Понятие «трансфер» было впервые введено в современную Пи-Си-Пи – науку в 2156 году группой ученых из Русской Академии наук во главе с доктором Дмитрием Николаевичем Вильяминовым (2130–2183) в качестве базового постулата разработанной им же самой гипотезы «субпространственных червоточин Галактики».

Вплоть до 2165 года данная гипотеза ввиду своей вызывающей экстравагантности так и не была воспринята всерьез подавляющим большинством ученых Земного Сообщества.

По этой же причине в 2162 году ее авторы были официально исключены из членов Академии Наук Лиги Наций за антинаучный подход к решению глобальных проблем, стоящих перед Земной наукой. А также, за публичный отказ ее авторов от того, чтобы признать свою точку зрения ошибочной и лишеной здравого смысла.

Однако, в начале 2165 года отношение к гипотезе «субпространственных червоточин Галактики» со стороны мировой научной общественности неожиданно и принципиально изменилось. Причиной этому стало открытие 12 – той звездной экспедицией, возглавляемой командором Ля Си Кунном, первого субпространственного туннеля, соединяющего Солнечную систему со Звездной системой Сириуса. Учитывая личную просьбу командора Ля Си Кунна и принятое Советом Лиги Наций на ее базе решение, данный субпространственный туннель получил название «Трансфер Вильяминова».

Начиная с 2167 года усилиями 5-ти звездных экспедиций Американской Конфедерации и 7-ми звездных экспедиций Европейского Союза и Восточно-Славянского Сообщества, в разных точках Солнечной системы были обнаружены еще (помимо «Трансфер Вильяминова») 12 субпространственных туннелей, многие из которых активно эксплуатируются в настоящий момент Транспортной Службой Лиги Наций в качестве межзвездных грузовых и пассажирских трасс.

Большая Энциклопедия Лиги Наций «NETINFORM² – 2200 год».

Раздел «Основные направления развития Пи-Си-Пи науки».

Подраздел «Классическая физика».

¹ Трансферы – с точки зрения физического смысла: «Субпространственные (Транспортные) туннели-переходы между СФЕрами Галактик или даже Вселенных». По-английски термин звучит как – «TranSSphere» и его можно дословно перевести как: «по ту сторону сфер» (где, «trans» – приставка – «через-, за-, транс-, по ту сторону», а «Sphere» – «шар, сфера, глобус» и т. д.).

² NETINFORM – электронный вариант Большой Энциклопедии Лиги Наций, доступный только лишь особо доверенным чиновникам Правительства и Спецслужб.

Часть первая Бегущий от самого себя

Глава первая Лейтенант – ты никогда не будешь майором!

Генрих Коллинз, исполнительный директор Транспортной Службы Лиги Наций, не был тем человеком, который беспечно и искренне наслаждался своей жизнью.

И это сразу бросалось в глаза.

На вид ему было лет шестьдесят, хотя в его служебном досье значилось ровно сорок четыре.

Он был невысокого роста, весил не менее 120 кг, имел обрюзгшую физиономию с сильно выдающейся вперед челюстью, гладко выбритый затылок и тусклые, застывшие в вечном равнодушии глаза.

Кроме того, он был вызывающе небрежен в манерах, терпеть не мог элегантной одежды, предпочитая всегда оставаться в выцветшей от времени рубашке и серо – зеленом галстуке.

Речь его была медленной и занудной. Он с большим трудом излагал свои мысли, высокомерно глотая слова и целые предложения.

А еще он, много и достаточно часто курил, о чем, между прочим, в его досье не было ни слова.

Одним словом Генрих Коллинз идеально олицетворял собой типичную кабинетную «крысу» с весьма незначительной поправкой на принадлежность к высшему чиновничьему рангу.

Герману он не понравился сразу.

– Лейтенант Леваневский к вашим услугам, сэр! – громко отрапортовал он, уверенно переступая порог кабинета Коллинза и по старой своей привычке эффектно щелкая каблукми.

Коллинз в ответ на его дерзость даже не пошевелился.

Он продолжал сидеть спиной к Герману в своем необъятном кожаном кресле, тупо уставившись в экран селекторной связи и лениво попыхивая зловонной сигарой.

– Лейтенант Леваневский к вашим услугам, сэр! – несколько раздраженно повторил Герман в его адрес.

– Я уже в курсе, лейтенант! – наконец небрежно отозвался тот и жестом предложил Герману присесть на диван.

Диван тоже, как и вся мебель в кабинете Коллинза, имел несуразные размеры и как бы составлял единое целое со своим хозяином и его не менее грубым и необъятным столом.

– Ну, и чем я могу быть Вам полезен, лейтенант! – после длинной паузы выдавил из себя Коллинз. Он все еще продолжая разглядывать экран селекторной связи, не обращая ни малейшего внимания на Германа.

– Скорее, это я могу быть Вам чем-то полезен, Сэр! – растерянно отреагировал на слова его Герман. – От моего агента в рекрутерской конторе «полярное сияние» я получил известие о том, что в вашем ведомстве появилась некая свободная вакансия. На должность пилота. Мне бы очень хотелось получить эту работу. Ваш секретарь вчера связался со мной и назначил нашу встречу именно на это время. Я прилетел ради этого с Земли, сэр. Я полагал, что Вас должны были поставить в известность об этом.

– Меня поставили об этом в известность, господин лейтенант, – раздраженно пробурчал Коллинз. – Однако, Вас действительно ввели в заблуждение. Ни о какой свободной вакансии на должность пилота Транспортной Службы не может быть и речи. Мы никогда не испытывали, тем более, сейчас, после войны, дефицита в классных пилотах. Скорее напротив. Чтобы работать у нас, такое право еще надо заслужить.

– Что ж, очень может быть, что меня неверно информировали, Сэр. Я готов принести свои извинения за беспокойство. Мне очень жаль, сэр, – поспешил приподняться с дивана и с легким разочарованием в голосе произнес Герман.

– Я еще не закончил, господин лейтенант, а вы уже собрались меня покинуть, – властным жестом остановил его Коллинз. – Да, я подтверждаю тот факт, что на должность пилота Транспортной Службы вы не подходите. Но, у нас действительно возникла необходимость в найме пилота для выполнения разового задания. Я повторяю, речь идет именно о чартерном рейсе. Хотя, даже для этого, судя по всему, вы не годитесь.

– Но почему, сэр, – последняя фраза чиновника задела Германа за живое. Он не привык к той ситуации, когда ставились под сомнения его личные и профессиональные качества. – У меня действующее пилотское свидетельство, необходимая Вам квалификация, достаточно богатый опыт и...

– Вот это «и» меня и беспокоит больше всего, – вызывающе грубо перебил его Коллинз. – Ваша квалификация, богатый опыт, данные руководством Космофлота рекомендации – это все не вызывает у меня сомнений. Но..., я тут рискнул познакомиться с вашим послужным списком, господин лейтенант, и вы знаете...

– В моем послужном списке что-то не так, сэр? – изобразил гримасу удивления на своем лице Герман, откровенно блефуя.

Коллинз вряд ли воспринял его фразу всерьез, но мастерски подыграл Герману:

– В вашем «послужном списке», по-моему, все, что только может быть – не так. Но давайте по порядку, если вы, конечно, хотите этого.

Коллинз склонился над своим столом и начал громко читать то, о чем и без него Герман был прекрасно осведомлен. Ведь это была вся его жизнь, хотя и изложенная на пластике сухим канцелярским языком.

– В 2180 году вы с отличием закончили Космическую Академию Лиги наций по специальности инженер-пилот. Более того, вы стали единственным выпускником за всю историю Академии, которому было присвоено, между прочим, вопреки всем инструкциям, внеочередное капитанское звание. К тому же, за особые заслуги перед Земным сообществом сам Генеральный секретарь Лиги Наций вручил вам золотое наградное оружие. Было такое?

– Так точно, сэр! – с легкой ухмылкой в голосе подтвердил Герман.

Он тщетно пытался заставить себя поверить в то, что этого никогда не было. Однако, память все же оказалась сильнее его воли.

Это все было. И его триумф в день окончания третьей мировой войны, самым нелепым образом совпавший с днем его выпуска из Академии. И торжественная церемония во Дворце Лиги Наций по случаю чествования героев войны. И рукопожатие Генерального секретаря. И неожиданно обрушившаяся на Германа Слава. И праздничный бал в Марсианской Колонии. И, наконец, его первая встреча с НЕЙ...

Ему тогда было чуть больше двадцати. Ей где-то столько же.

За его плечами уже было сто восемь боевых вылетов, командование эскадрильей «Падших ангелов» – живой легенды прошедшей войны, значок космического аса на лацкане его парадной формы и многое, многое другое...

За ЕЕ плечами не было ничего, или почти ничего.

Если, конечно, не считать достаточно уважаемой семьи, успешно оконченного космобиологического университета и скромного участия в сопротивлении.

И однажды они встретились.

Точнее ОНА обратила на него внимание. А он, первый раз увидев ЕЕ, уже не смог ни о ком и ни о чем больше думать. Но ОНА не поверила ему. Ведь в ЕЕ глазах он был всего лишь легендой и не более того. А он не смог ей тогда простить этого. И они расстались. Расстались, так и не узнав друг друга. Расстались только для того, чтобы всю свою последующую жизнь он искал с НЕЙ встречи, а в последний момент отчаянно трусил и бежал от НЕЕ и от самого себя в самые дальние закоулки Вселенной.

А ОНА оставалась все той же – прекрасной и для него недоступной.

– В 2181 году вы получили назначение в Галактическую Косморазведку, – между тем продолжал читать послужной список Германа Коллинз. – И вплоть до 2183 года проявляли себя как безупречный офицер и пилот экстра-класса. Все ваши заслуги за этот период я не вижу смысла перечислять. Вам они хорошо известны, а мне они, с учетом последующих событий, ни о чем не говорят. Но остановимся на одной лишь дате: 12 ноября 2183 года. Именно в этот день, вы, кадровый офицер Галактической Косморазведки в чине подполковника, командир особого подразделения Военно-космических сил, неожиданно для всех изменили присяге, легкомысленно оставили своих подчиненных без командира и самовольно вылетели на сверхсекретном космическом истребителе «Суперпризрак» в неизвестном направлении. Своим поступком вы сознательно сорвали возложенное на Вас Советом Лиги ответственное задание по ликвидации мятежа банды высокопоставленных военных, называвших себя «рыцарями Свободы». В результате вашего предательства основным зачинщикам мятежа удалось скрыться, прихватив с собой 3-ий космический флот и около двух десятков гражданских транспортников. Между прочим, на вас легла ответственность еще и за то, что вместо того чтобы безжалостно уничтожить армию «рыцарей Свободы», брошенное вами на произвол судьбы особое подразделение Военно-космических сил оказалось в числе предателей и присоединилось к мятежникам. К счастью, Вам тогда не удалось скрыться от заслуженного наказания. Ваш звездолет оказался неисправным и был обнаружен дрейфующим по направлению к Сириусу. После мастерски проведенной Космической полицией операции, Вас вернули на Землю. Вы были незамедлительно лишены офицерского патента и пилотского удостоверения, разжалованы в рядовые, уволены из Военно-космических сил, и приговорены за измену Родине Верховным Трибуналом Лиги Наций к высшей мере наказания – аннигиляции. Однако, впоследствии по личной просьбе Генерального Секретаря Лиги и группы высокопоставленных военных, между прочим, ваших бывших однокурсников по Космической Академии, смертный приговор Вам был заменен бессрочной каторгой на титановых рудниках Плутона. Было такое?

– Наверное, было. А может, мне все это только приснилось? – съязвил Герман, опять погружаясь в воспоминания.

Коллинз был прав, обозначив дату 12 ноября 2183 года роковой в жизни подающего большие надежды офицера Военно-космических сил Германа Леваневского. Эта была непростая дата. Это был день, когда Совет Лиги Наций официально признал 21-ую звездную экспедицию к «Трансферу Вильяминава» «пропавшей без вести». Это стало смертным приговором всем ее участникам. И, в первую очередь, ЕЙ – штатному космобиологу экспедиции.

А ОН просто пытался сделать то, что не мог не сделать. Ведь это был приговор не только ЕЙ, но также и ему самому. Без НЕЕ ничего и никогда уже не могло бы иметь для НЕГО смысла. Ради НЕЕ, он готов был пожертвовать всем, включая свою собственную жизнь. Но Судьба не приняла его жертвы, и он остался жив, в то время как ОНА погибла. И он это знал, хотя и боялся себе в этом признаться.

После ЕЕ гибели все, что ранее казалось Герману важным, перестало его волновать. Жизнь для него утратила четкие рамки. В слепом стремлении вновь оказаться рядом с НЕЙ Герман сознательно искал смерти. И эта навязчивая идея довлела над всем его бытием.

Оказавшись на рудниках Плутона, Герман, вскоре снискал себе славу отчаянного, а порой даже безрассудного, авантюриста и забияки. Бессмысленный риск стал для него отдушиной в этом люто ненавидимым им мире. Он лез на рожон всегда и везде. Будь то отчаянная потасовка среди заключенных или смертельно опасные экспедиции по недрам Плутона. Он работал по 15–20 часов в сутки, пренебрегая отдыхом и любыми, пусть даже самыми примитивными средствами безопасности.

Очень скоро, хозяева рудников, прознав про то, что Герман был в Гражданской жизни пилотом, добились от Космофлота восстановления его пилотского удостоверения. Герман воспринял это событие равнодушно, хотя и не скрывал своей радости от того, что в его руках вновь оказался пилотский штурвал. Это, в общем-то, и решило его дальнейшую судьбу.

– В 2190 году постановлением Совета Лиги Наций вы были амнистированы и, даже, в виде исключения, были частично восстановлены в Ваших гражданских правах, – Коллинз запнулся, выпуская из своих недр клубы сизого дыма и цинично разглядывая Германа.

Тот сделал вид, что все еще находится в плену своих мрачных мыслей.

– Итак, – вновь вернулся к зачитыванию «послужного списка» лейтенанта Леваневского Коллинз, – Вы были не только частично восстановлены в Ваших гражданских правах, но также вам вернули Ваш офицерский патент и пилотское удостоверение. Начиная с 2192 года, вы были прикомандированы Советом Лиги Наций к Интернациональному Управлению по исследованию космического пространства. В период с 2193 по 2195 годы вы приняли участие в качестве штатного пилота-навигатора в трех звездных экспедициях повышенной сложности. И, надо сказать, в очередной раз проявили себя как дисциплинированный и ответственный офицер. В 2194 году Вам даже было опять присвоено капитанское звание. А 2195 год вы уже встретили в чине майора. Однако, после достаточно неприятного инцидента, связанного с выполнением Вами обязанностей в качестве шеф-пилота 27-ой звездной экспедиции, вы были уволены из Интернационального Управления по исследованию космического пространства по причине служебного несоответствия и грубейшего нарушения субординации. Кроме того, вы были в очередной раз разжалованы в младшие лейтенанты и лишены офицерского патента. Однако, пилотское удостоверение в этот раз Вам удалось сохранить. Я не ошибаюсь?

– Нет, Сэр, вы абсолютно правы, – кивнул Герман.

Тот самый инцидент, о котором говорил Коллинз в столь мягких и расплывчатых выражениях, на самом деле был обычной, пусть и достаточно жестокой со стороны Германа, дракой. Дракой между ним и Командором Ля Рошем, назначенным руководить 27-ой звездной экспедицией. Экспедиция должна была стартовать в январе 2195 года к «Трансферу Вильяминаова». Именно туда, куда всю свою жизнь так рвался попасть Герман. Однако, в самый последний момент, цель экспедиции была изменена. Герман не сдержался и публично обвинил Командора Ля Роше в трусости и бездарном руководстве. В этом обвинении была определенная доля истины. Так как после гибели в «Трансфере Вильяминаова» 21 – ой звездной экспедиции Космофлот потерял в этом секторе еще три своих транспорта. Целью предстоящей 27-ой звездной экспедиции как раз и было выяснение причин исчезновения кораблей в злополучном субпространственном переходе. Командор Ля Роше был назначен руководить данной экспедицией случайно. А когда понял, о чем идет речь, забил тревогу и вынудил своих высокопоставленных родственников в Совете Лиги Наций либо отменить экспедицию вообще, либо изменить ее цель. Что, в общем-то, и произошло в дальнейшем.

– Итак, господин лейтенант, кажется, я подхожу к финалу вашего неподражаемого жизнеописания, – голос Коллинза приобрел насмешливый оттенок и стал слегка отдавать

хрипотцой. – Так на чем же мы остановились?! Ах, да, после того, как вы были с позором вышвырнуты из Интернационального Управления по исследованию космического пространства в 2195 году и в очередной раз оказались на свалке истории, вы так ни чему и не научились. Даже не пытались. Хотя вам опять, уже в 2197 году, предоставили возможность себя реабилитировать. Кажется, это была марсианская компания. Не так ли? И вас опять разжаловали в рядовые? Это уже становится банальным. Вы этого не находите?

– Нет, сэр! Я несколько не жалею, что это случилось! – огрызнулся Герман. – Была бы моя воля и окажись рядом со мной мои ребята из особого подразделения Военно-космических сил, я бы знал, что делать с этой сволочью Пикерингом и его трусливой сворой!

– Полегче на поворотах, лейтенант! – вскипел Коллинз. – Господин Пикеринг – уважаемый всеми посол Американской Конфедерации в Лиге Наций. А вы всего лишь пилот неудачник, грубый и невоспитанный мужлан, осмелившийся бросить вызов всему мировому сообществу. И когда? В тот самый момент, когда Совет Лиги Наций так опрометчиво высоко оценил ваши заслуги перед ним и даже снизошел до того, чтобы представить вас к высшей награде Лиги Наций – Ордену Белого Голубя. А вы?

– А я запустил этого вашего голубя прямо в морду Генеральному Секретарю Лиги Наций! И всего-то делов? А вот, если бы на его месте оказался Пикеринг, он бы так легко не отделался, – нарочито равнодушно парировал Герман.

Несмотря на чисто внешнее спокойствие, в душе у Германа бушевал ураган.

Еще бы. Была бы его воля, он бы разорвал этого Пикеринга голыми руками на мелкие части. Иначе и быть не могло. Как можно по-другому поступить с человеком, обрешившим на верную гибель десятки ни в чем не повинных людей?! Только лишь потому, что в тот злополучный день на складах марсианского Космопорта начался пожар, и миссия Американской Конфедерации посчитала необходимым срочно оттуда убраться.

Герман тогда, по стечению обстоятельств, выполнял обязанности пилота рейсового космоплана на марсианских региональных трассах.

Когда за ним пришли люди Пикеринга, он уже был в пилотской кабине и в срочном порядке запускал двигатели своего ста двадцати местного лайнера. Он очень торопился, и поэтому не сразу обратил внимание на резко затормозивший прямо перед кабиной его лайнера посольский вездеход и высыпавших из него морских пехотинцев. Когда он понял, в чем было дело, пассажиры его рейса были уже обречены.

Люди Пикеринга действовали слаженно и быстро. Несмотря на поднявшуюся в салоне лайнера панику и истерику среди пассажиров, они грубо и бесцеремонно вытащили Германа из кабины. Они вкололи ему мощную дозу «овечьего» препарата, как его окрестили в Космической полиции, и уже через пару минут лейтенант Леваневский покорно сжимал в руках штурвал посольского звездолета.

То, что творилось в эти минуты на земле, назвать кромешным адом – было бы слишком мало.

Космопорт и прилегавший к нему Бизнес-сити были охвачены пламенем и ежесекундно вздрагивали от нескончаемых взрывов. Застигнутые врасплох и не успевшие вовремя подняться в воздух лайнеры лопались от жары как грецкие орехи и в считанные мгновения взметывались ввысь грудой искореженного металла и остатков некогда человеческих существ. Здания Космопорта и Бизнес-сити рушились как карточные домики. Еще мгновение назад ровная и гладкая взлетная полоса чудовищным гофром извивалась и дергалась в предсмертных судорогах.

Ну, неужели, после всего этого Пикеринг и его люди не заслужили быть разорванными на куски?!

– Итак. Господин лейтенант, по-моему, и мне, и Вам все абсолютно ясно. Не так ли? – подытожил Коллинз. – Я умышлено опустил ту часть биографии, которая затронула послед-

ние годы вашей выдающейся жизни. Чего там только не было, смею я вас заверить: и рейнджерская эпопея на Венере, и работа грузчиком в космопортах Европы, Ганимеда и Ио, и достаточно запутанная история с перевозкой контрабанды с нашей Лунной Космобазы в Россию, и, надо же, карьера наемника в Североафриканских штатах, и... В общем, вы, безусловно, нам не подходите. Мое решение окончательное и обжалованию не подлежит. Даже, не смотря на то, что не далее чем неделю назад вы в очередной раз были восстановлены на воинской службе в Военно-космических силах и вам великодушно вернули лейтенантские погоны, и кое-кто даже снабдил вас самыми что ни на есть высочайшими рекомендациями. Все. Наш разговор окончен. Вы нам не подходите. И я не могу и не хочу Вам дать ту работу, на которую вы так рассчитывали.

– Я могу идти, сэр? – холодно произнес Герман в адрес чиновника, нарочито медленно поднимаясь с дивана и надевая наголову черную фуражку офицера Военно-космических Сил.

– Да, конечно, я вас больше не задерживаю, лейтенант. Я остался очень удовлетворен нашей встречей. Надеюсь, что она была не только первой, но также и последней. – Коллинз цинично улыбнулся, раскуривая очередную сигару и небрежно щелкая клавишей вызова на пульте селекторной связи.

Герман хмыкнул, но более не произнес ни слова.

Выходя из кабинета Коллинза, он громко хлопнул дверью и в сердцах швырнул свою элегантную черную фуражку в ближайший к нему мусорный контейнер.

Коллинз, между тем, всецело был занят разглядыванием своих подернутых желтоватым налетом ногтей и вот уже в третий раз нервно давил на кнопку вызова своего личного секретаря.

– Вы меня вызывали, мистер Коллинз, – наконец бездушно, с легкой металликкой в голосе, отозвался селекторный монитор Коллинза.

– Ууу, железка безмозглая, – грязно выругался в адрес своего электронного помощника Исполнительный директор Транспортной Службы Лиги Наций. – Ну-ка соедини меня с кабинетом Министра транспортных коммуникаций. И побыстрее.

– Министр Транспорта, на связи, – после короткой паузы, доложил селекторный монитор Коллинза. – Мосье Ля Роше вас слушает.

– Мое почтение, господин министр, – скороговоркой выпалил в адрес заблестевшего в мониторе лика Коллинз. – Смею Вам доложить, я только что отказал лейтенанту Леваневскому в его приеме на работу. Вы бы видели его «послужной список», сэр. Это что-то. Я обязательно пришлю Вам его по сенсорной связи.

– Идиот, – раздался в адрес Коллинза звериный рык из монитора. – Немедленно верни лейтенанта Леваневского и дай ему эту работу на любых условиях. Это приказ. Я бы на твоём месте, свинья, молил бога о том, чтобы лейтенант не успел уйти слишком далеко! И, главное, вернувшись, все же принял твое предложение.

– Но, почему, сэр, – обескуражено прохрипел Коллинз. – У нас с ним могут быть большие проблемы! Он непредсказуем! Он...

– Коллинз, выполняйте мое распоряжение, иначе у вас с лейтенантом Леваневским уже никогда и никаких проблем не будет! По той простой причине, что самые что ни на есть серьезные проблемы будут у вас одного. Причем очень скоро. Это я Вам лично обещаю! – голос министра Транспорта зазвучал несколько мягче, но тем самым предвещал Коллинзу еще большие неприятности, чем об этом можно было только подумать. – Мало того, что мы на этой чертовой трассе, связанной с «Трансфером Вильяминова», потеряли уже пять транспортников. Мало того, что мы потеряли вместе с ними три первоклассных пилотских экипажа... За которые Независимый Профсоюз Пилотов того и гляди спустит с меня и вас по

семь шкур... Мало того, что ни один пилот в этой и всех остальных галактиках ни за что не сядет за штурвал нашего корабля, если его нос будет повернут в сторону этого злополучного «Трансфера». Так вы еще хотите того, чтобы Военное Ведомство Лиги Наций отдало меня и, уж в этом-то не сомневайтесь, вас под трибунал за срыв своей чрезвычайно важной и секретной программы? Вы этого хотите, Коллинз?

– Никак нет, господин Министр, – смертельно побледнев, выдал из себя Исполнительный директор. – А что это за программа, господин министр, о которой так сильно печется Военное Ведомство. Она действительно, настолько важна и секретна? Что, Леваневский опять, как и прежде, вернется после выполнения этого рейса на Землю героем? Что же это за груз будет на нашем транспортнике!

– Это не вашего ума дела Коллинз! – раздраженно прошипел из селекторного приемника Министр. Его изображение на мониторе слегка дернулось и покрылось пунцовой краской. – Немедленно верните Леваневского и соглашайтесь на любые выдвинутые им условия.

– А если он потребует командорских погон и неограниченных полномочий по своему возвращению?! Господин Министр? – страх придал Коллинзу свежие силы и начисто вырубил в его сознании инстинкт самосохранения. – Что мы будем тогда делать. Он же сумасшедший...

– Соглашайтесь на все, Коллинз, – голос Министра приобрел стальные нотки. – Пилотировать «Иуду» с грузом Военного Ведомства к «Трансферу Вильяминова» должен только Леваневский и никто другой. Запомните это. А по поводу командорских погон и неограниченных полномочий лейтенанта Леваневского, не беспокойтесь. Я уверен в том, что нам не придется думать о том, как сдержать свое обещания. Ведь одним из его условий, как вы понимаете, будет возвращение «Иуды». В его родной ангар на Плутоне. А этого никогда не случится, Коллинз. Этот рейс будет всего лишь в один конец. Генеральный Секретарь Лиги Наций полностью в курсе событий. Действуйте, Коллинз. Или я за себя больше не отвечаю.

– Как в один конец? Почему в один конец? Наш ультрасовременный транспортник «Иуда» больше никогда не вернется на базу? Что же за груз он тогда повезет, господин Министр? – голос Коллинза задрожал, и его хозяин чуть было не поперхнулся от озарившей его разум догадки.

Коллинзу никто не ответил. Монитор его селекторного приемника безжизненно сник, так и не подтвердив и не опровергнув догадку своего хозяина.

Коллинз взял себя в руки и резким движением надавил на клавишу вызова своего электронного помощника.

– Вы меня вызывали, мистер Коллинз, – неожиданно быстро отозвался тот.

– Немедленно верните в мой кабинет лейтенанта Леваневского, – грозно прорычал в микрофон Коллинз. – Живым или мертвым, но чтобы он был здесь. Ищите его, где хотите, но чтоб он был здесь.

– В этом нет необходимости, мистер Коллинз, – невозмутимо осадил гнев своего шефа робот. – Мистер Леваневский в настоящий момент времени все еще находится в здании Транспортной Службы Лиги Нации. А точнее, на первом этаже, в секторе PQ -13. То есть, другими словами – в Служебном баре сотрудников нашей организации. Смее вас заверить, он пока еще жив, хотя процент алкоголя в его крови стремительно приближается к критической отметке.

– Немедленно тащи его сюда, безмозглая кремниевая болванка, – вконец рассвирепел Коллинз, обрушивая свой тучный кулак на монитор селекторной связи.

– Немедленно выполняю ваше распоряжение, мистер Коллинз, – откликнулся робот и после паузы добавил. – Ваше распоряжение выполнено, сэр. Мистер Леваневский только что выломал дверь в вашу приемную и очень похоже на то, что он тоже с нетерпением жаждет повторной встречи с вами. Будут еще какие-нибудь указания, сэр?

– Да заткнись ты, наконец, – огрызнулся Коллинз в адрес робота, с опаской поглядывая на дверь.

Дверь его кабинета неожиданно мягко и медленно отворилась.

На пороге стоял Герман. Волосы его были взъерошены. Один лейтенантский погон выдран с ключьями и одиноко болтался на его рукаве. Другой же вообще отсутствовал на своем привычном месте.

Герман устало опустился на диван перед обомлевшим и застывшим в оцепенении Коллинзом и наиграно равнодушным тоном произнес в его адрес короткую, но совершенную по своей значимости и колориту фразу:

– Ну, мистер Коллинз. Вы хотите мне что-то сказать?

Глава вторая «Если машины бросают людям вызов, значит это кому-то нужно?»

Транспортник «Иуда», о котором так сильно беспокоился Коллинз, на самом деле представлял собой бесформенную глыбу из черного, пористого материала.

Внешне он мало чем отличался от извечных странников Вселенной – астероидов.

В этой его неприглядной типичности и был заложен основной залог его неуязвимости. И именно в этом транспортнике земная инженерная мысль нашла свое самое совершенное воплощение.

Все дело было в том, что в отличие от своих братьев – боевых и исследовательских звездолетов – транспортник «Иуда» не имел вооружений. И поэтому, на первый взгляд, был незащищен перед лицом любого разумного агрессора. Будь то матерый пират или даже командор инопланетного крейсера.

Однако, скажите, кому придет в голову атаковать кусок ничем не примечательной породы?! Да еще вроде бы бесцельно болтающийся в открытых просторах космоса?

Правильно, никому!

Именно так все и было задумано земными создателями «Иуды».

С другой стороны, «Иуда» также не был способен создавать вокруг себя антигравитационное поле, достаточно мощное для того, чтобы оградить жизненноважные и наиболее уязвимые части корабля от буйства уже неразумных вселенских агрессоров – метеоритов.

Однако, в реальности, все тоже было не так.

Да, конечно, «Иуда» не имел вокруг себя классического защитного поля, требующего для своего поддержания затрат огромных энергетических ресурсов. Однако, и в этом случае, придав звездолету нечто наподобие «шубы» из черного пористого материала, земные инженеры не ударили в грязь лицом.

Это была не простая «Шуба». Это была чрезвычайно сложная система. Она была способна, с одной стороны, демпфировать и отражать попадания в звездолет мелких метеоритов и космической пыли. С другой стороны, при столкновении звездолета с более массивным космическим странником, «шуба» приобретала небывалую вязкость, втягивала в себя «пришельца» и достаточно быстро расщепляла его материал на составляющие элементы. В дальнейшем, полученные в результате химического разложения «пришельца» элементы либо исторгались обратно в открытый космос, либо использовались в рамках жизнедеятельности корабля и его экипажа.

Единственным местом «Иуды», имевшим четкие и достаточно совершенные очертания, была Командирская рубка.

Хотя и она в «походном» положении корабля втягивалась внутрь его защитной «шубы» и была недосыгаема не только для глаз стороннего наблюдателя, но так же, как и весь корабль – для метеоритов, агрессивных газовых туманов и пыли.

В тот момент, когда Герман впервые ее увидел, она имела вид массивной, идеально отполированной полусферы иссиня-черного цвета и на добрые 3/4 выступающей наружу из недр корабля. Вокруг нее копошился целый муравейник безмолвных автоматов и укутанных в пузатые скафандры людей.

Герман не удержался и, несмотря на то, что корабль еще не был готов к вылету, подобрался к стеклянной сфере поближе и уверенно проник сквозь ее шлюзовую камеру вовнутрь «Иуды».

Первым чувством, которое он испытал, оказавшись в чреве звездолета, было разочарование.

Все вокруг него оказалось до боли привычным и вычурным.

Те же бесконечные приборные панели, длинные коридоры, мрачные и бескрайние техотсеки, мерцающий свет аварийных светильников, гулкое жужжание сенсоров и свист вентиляционных кассет....

И в этом унылом мире из стали, титана, сверхпрочного стекла и углепластика Герману предстояло провести долгие месяцы, а возможно и годы.

Герман поморщился, грустно обозревая свой новый дом, и с тоской подумал о том безупречно прекрасном мире Земли, который он покинул всего каких-то пару недель назад.

Когда еще теперь он снова сможет насладиться буйной зеленью садов и покрытых росой лужаек. Ласковым дуновением ветра, наполненного ароматом цветов и живительной свежести. Громким, порою даже навязчивым, щебетанием птиц. Тенистыми парками и бульварами мегаполисов. Сотнями, десятками, тысячами улыбок незнакомых ему людей...

Все в том, ставшим для него теперь уже далеком мире, вызывало в нем восхищение. Все, кроме одного. В том мире не было ЕЕ. А значит, не могло быть и Его самого.

Быстро освободившись от остатков своего скафандра, Герман уверенно направился в сторону Командного отсека корабля.

К его немалому удивлению, дорога оказалась не близкой. Проходила одна минута за другой, а разделяющее Германа и Центральный шлюз расстояние все еще оставалось неизменным.

Прежде чем Герман понял суть происходящего, ему вдруг пришла в голову древняя европейская легенда. Легенда о маленькой взбалмошной девочке Алисе нежданно-негаданно оказавшейся в Зазеркалье. Он очень плохо помнил сюжет этой давно всеми забытой истории, но... Кажется, именно в ней главная героиня оказалась в точно в такой же ситуации, как он. Там было что-то про дорогу, гору и какую-то шахматную фигуру. А еще там было про то, что чем сильнее ты к чему-то стремишься, тем больше ты от этого отдаляешься... Бред какой-то!?

Герман замешкался, и тут только его осенило.

Он торопливо склонился к запястью своей левой руки и громко постучал пальцами по матовой поверхности идентификатора.

В следующее мгновение все встало на свои места.

Центральный шлюз оказался на расстоянии вытянутой руки от лейтенанта. Его пульсирующее мерцание сменилось ровным серебристым блеском и невозмутимый синтетический голос, громко, но подчеркнуто вежливо, произнес в адрес Германа:

– Субъект опознан. Личность идентифицирована. Офицер Транспортной службы Лиги Наций Герман Леваневский. Голографическая защита корабля дезактивирована. Доступ в командные отсеки корабля разрешен. Добро пожаловать на борт «Иуды», господин лейтенант!

Последнюю фразу машина постаралась произнести с некоторым оттенком подострастия. Но получилось у нее это как обычно фальшиво и грубо. Герман лишь улыбнулся в ответ и с наигранным высокомерием смерил взглядом безмозглую «железку», наивно претендующую на то, чтобы когда-нибудь сравняться в своем совершенстве со своими создателями.

Помещение Командирской рубки «Иуды» встретило своего нового командира легким сумраком и безмолвием.

Суперком не сразу догадался придать своим владениям более одухотворенный вид, наполнить их сонмом звуков, мерцанием сигнальных кристаллов и витающей в воздухе озонной свежестью.

Герман молча потоптался на месте, засунув руки в карманы своего комбинезона и сохраняя на лице унылое и, в тоже время, глубокомысленно-философское выражение. Затем он флегматично обошел все помещение рубки, обозревая его содержимое, бесцельно щелкая всевозможными тумблерами и вглядываясь в мертвые экраны стереовизоров.

Наконец, очередь дошла до комплекса жизнеобеспечения корабля, о чьем предназначении и конструкции Герман догадался не сразу.

В отличие от своих аналогов, с которыми Герман был хорошо знаком по другим типам космических кораблей, ПКЖ³ «Иуды» «или как его еще в шутку называли пилоты – «мокрое место» – не был похож на банальное противоперегрузочное кресло, совмещенное со штурвалом и командной панелью.

«Мокрое место» «Иуды» скорее напоминало что-то среднее между бессмысленным нагромождением деталей детского конструктора и кадрами из дешевых сериалов об шаровидных формах инопланетной жизни.

Единственным фрагментом «мокрого места», о назначении которого у Германа не возникло никаких сомнений, было необъятных размеров кресло. Обшитое к тому же черным, похожим на кожу, материалом и имевшее слегка вытянутую, овальную форму.

Все остальные детали ПКЖ Герману были не знакомы. Это относилось и к небольшому, сантиметров этак двадцать в диаметре шару, загадочным образом висевшему над серединой кресла. И к толстым матовым панелям, ограждающим «мокрое место» «Иуды» с трех сторон. И к двухметровому зеркальному цилиндру, возвышавшемуся у основания ПКЖ. И к огромной, переливающейся перламутром морской раковине, в основании которой собственно и помещалась вся конструкция.

Герман не удержался и протянул руку к таинственному ПКЖ.

Уже через мгновение, толстые края раковины, прежде преграждавшие ему путь к командирскому креслу стали неожиданно деформироваться, медленно, но верно приобретая форму ступеней. Раздался приглушенный свист, и вся конструкция пришла в движение, как бы пробуждаясь ото сна. Заискрившийся голубым сиянием шарик взвился вверх и неподвижно замер где-то под потолком рубки. Матовые панели поползли в стороны. Зеркальный цилиндр резко поддался вперед, а само командирское кресло неожиданно приняло четкие очертания и гостеприимно развернулось к Герману своим чревом.

Герман не заставил себя долго ждать и поспешил воспользоваться любезным приглашением ПКЖ и уверенно занял полагающееся ему, как командиру звездолета, место.

Как только его тело оказалось в объятиях командирского кресла, вся конструкция как по мановению волшебной палочки вновь пришла в движение. Очень скоро и шар, и панели, и зеркальный цилиндр снова вернулись на свои места.

Герман облегченно выдохнул, пытаясь судорожно принять решения о том, что ему делать дальше.

Но, тут ему на глаза попала еще одна деталь командирской рубки «Иуды», на которую он в начале или не обратил внимания, или... Или ее просто не было!?

Это была не просто деталь. Это было целое событие. И это событие было из ряда вон выходящее.

ГЕРМАН БЫЛ В КОМАНДИРСКОЙ РУБКЕ «ИУДЫ» НЕ ОДИН!

³ ПКЖ – Пилотажно-командное кресло совмещенное с системой жизнеобеспечения.

Он, она или, быть может даже, оно смотрели на лейтенанта Леваневского горящими глазами из правого, затемненного угла помещения и, казалось, следили за каждым его движением.

Мороз пробежал по коже Германа. Его лоб покрылся холодной испариной.

– Ты еще кто такой... – неуверенно бросил он адрес фиолетово-синих глаз и, после паузы, добавил: – Или, может быть, что такое, черт возьми!?

Правый угол рубки неожиданно тут же озарился приглушенным светом, в отблесках которого четко проступили контуры человеческой фигуры.

Незнакомец царственно восседал на скромном, до боли знакомом Герману по его прежним космическим полетам, кожаном кресле. На его плечах вызывающе сверкали лейтенантские погоны Военно-космических сил Земли и... Герман с ужасом узнал в незнакомце САМОГО СЕБЯ.

– Ты еще кто такой, черт тебя возьми? – теперь уже с дрожью и растерянностью в голосе повторил он в адрес незнакомца.

– Тактико-виртуальный андроид серии «Р» с мягким знаком, сэр – невозмутимо ответил тот.

– А что такое – «Р» с мягким знаком, точнее, рррьь...? – догадавшись, что перед ним робот, и немного успокоив себя данным открытием, передразнил своего необычного собеседника Герман.

– Не могу знать, сэр! – не обратив ни малейшего внимания на иронию в голосе Германа, отпарировал робот.

– Т – В – А – Р – Ы!? – вслух повторил Герман и громко расхохотался. – Так ты значит тварь! Однако, в наличии чувства юмора нашему Инженерному Корпусу не откажешь! Значит мой напарник – ТВАРЬ! Гениально!

– Но, почему ты... – Герман замаялся, и в его сознании закопошились тревожные мысли. – Почему ты так на меня похож...? Тварь ты этакая!

– Смею Вас заверить, сэр! – Герману показалось, что робот также как и он пребывал в замешательстве. – В моем поведении нет и не может быть злого умысла, сэр! Я и мои создатели даже в мыслях не держали того, чтобы чем-то Вас напугать или даже шокировать! Все очень просто, сэр! Дело в том, что я должен стать вашим «вторым пилотом» в предстоящем рейсе, сэр! И мои создатели посчитали, что за долгие месяцы полета Вам будет гораздо более приятно общаться с похожим на человека членом экипажа, чем с классической куклой из металла и пластика. Что же касается нюансов моей внешности... Ну, я имею в виду наше с Вами сходство... То это объясняется еще проще. Дело в том, в рубку данного корабля доступ закрыт всем без исключения представителям нашей, я хотел сказать, вашей расы. Всем, разумеется кроме Вас. Поэтому, ни в памяти Суперкома «Иуды», ни в моей собственной памяти не оказалось, да и не могла оказаться, информации об облике ни одного человека, опять кроме Вас. Так что, все очень просто, сэр! Вам нечего беспокоиться.

– Ой ли?! – подумал про себя Герман, делая вид, что поверил столь искреннему и по детскому непосредственному объяснению робота.

Что-то не сходится во всей этой наивной простоте и банальности ситуации. С одной стороны, ему предстоит скучный и до абсурда примитивный транспортный рейс. По крайней мере, именно так изложили ему суть вещей эти напыщенные дяди из Транспортной службы... С другой стороны, весь этот необычный корабль, робот – близнец, отсутствие в памяти Суперкома информации о возможных его дублерах и вообще о других людях...

Что-то здесь не так?! Но что именно? Похоже, что пока он не получит ответа на этот вопрос, спать спокойно ему вряд ли придется. Да, между прочим, по поводу спать...

– Эй, ты, как там тебя, – Герман вызывающе посмотрел на робота, прежде чем с усмешкой на губах, добавить: – «Р» с мягким знаком...

– Вы хотели сказать, ТВАРЬ, сэр? – поправил его робот.

– Нет, я хотел сказать именно так, как сказал! – огрызнулся в ответ Герман. – С мягким знаком ты мне нравишься больше. Так, может, ты мне объяснишь, что в этом чертовом корабле к чему и... вообще, с чем его едят?

– Его не едят, сэр! Это межзвездный транспортный корабль специального назначения Класса «Иуда», – монотонно забубнил в ответ робот, лишней раз подтверждая превосходство человеческого интеллекта перед тупой непосредственностью искусственного разума. – В данный момент вы находитесь в пилотажно-командном комплексе корабля. К тому же совмещенном с системой вашего жизнеобеспечения...

– Это я и без тебя уже понял, «Р», черт тебя возьми, с мягким знаком, – перебил андроида Герман. – Ты мне лучше скажи, как всей этой дребеденью управлять и как она связана с управлением из моей каюты?

– Не понял вас, сэр! Объясните, пожалуйста, значение слова «дребедень». В моем лингвистическом словаре оно отсутствует, – если бы машины были способны удивляться, наверное, это был бы именно тот самый случай.

– Ну, естественно, в твоём словаре этого нет! И, слава богу, что нет! Однако, ты не ответил на мой вопрос, мистер «Р» с мягким знаком! Забудь про это слово и замени его чем-нибудь навроде «конструкция». Я жду от тебя объяснений! Ну!

– Так точно, сэр. Приношу извинения за задержку с выполнением Вашего приказа. Больше этого не повторится. В самое ближайшее время, я постараюсь детально изучить вашу личность, сканировать Вашу память и в совершенстве освоить используемый Вами на практике диалект.

– Что, что ты собрался сделать, ТВАРЬ? – буквально опешил от такого наглого заявления робота Герман. – Ты собираешься просканировать мою память и детально изучить мою личность? А больше ты ничего не хочешь, пластиметовая образина? Нет? Может быть, мне еще и раздеться и заняться с тобой любовью, а?

– Приношу свои извинения, сэр, но слово «образина» также отсутствует в моем лингвистическом словаре. Таким образом, смысл его мне не понятен. Однако, в своей речи вы упомянули слово «любовь». Оно мне знакомо. Однако, смею Вас заверить в том, что на борту корабля нет ни одной особи женского пола вашей расы, которую вы, возможно, назвали «образиной», и с которой вы выразили желание заняться любовью. Очень сожалею, сэр, но это так. В тоже время, в интересах предотвращения сексуальных расстройств вашего биологического организма я бы мог порекомендовать Вам...

– Можешь смело засунуть все свои рекомендации себе в..., – грубо перебил робота Герман. Поймав себя на мысли о том, что ему не ведомы те фрагменты конструкции робота, в недра которых последнему было бы наиболее обидным засунуть свои рекомендации. Странно, что ему раньше в голову никогда не приходили подобные мысли.

– Ладно, черт с тобой, – так и не закончив фразы, наконец, взял себя в руки Герман и решил продолжить допрос робота. – Вернемся к нашим баранам. Этого слова тоже в твоём словаре нет. Можешь даже не рыпаться. Ну а все же, ты так и не ответил ни на один из моих вопросов. Ну?

– Начну с управления кораблем, сэр.

– Наконец – то!

– Во-первых, прямо перед вашими глазами располагается система управления звездолетом. Контрольная – в виде многофункционального пульта, состоящего из трех сенсорных панелей. Вычислительного – хорошо Вам знакомого Суперкома, выполненного на данном корабле в виде силиконового цилиндра и новой модификации высокочувствительного пилотского штурвала – того самого пресловутого шарика, который Вы вот уже пять минут вертите в своих руках. В настоящий момент времени все системы управления кораблем дез-

активированы. Научиться ими пользоваться – Вам не составит большого труда. Как только вы будете к этому готовы, я тут же подключу к ПКЖ систему виртуального стереотренинга, и с ее помощью вы сможете быстро освоить все возложенные на Вас в данном полете функции. Что же касается остальных фрагментов конструкции ПКЖ «Иуды», то они в основном несут вспомогательный характер и служат целям вашего жизнеобеспечения.

– Виртуальный тренинг, говоришь? Это хорошо. Не будем тогда торопить события, «Р» с мягким знаком! Как говорится, утро вечера мудренее. Да, кстати, по поводу вечера... Я, между прочим... Да будет тебе лишний раз известно, пластиметовая образина, чертовски устал. Межпланетные перелеты, надо сказать, не самое приятное времяпровождение. И к тому же, не мешало бы чем-нибудь подкрепиться. Мало того, что на этой чертовой Плутонианской космобазе меня сегодня накормили какой-то склизкой гадостью из белковой массы и искусственных углеводов, так после всего этого еще и прошло минимум часов семь. Перебор, однако. В моем контракте по поводу лечебного голодания ничего не сказано. Ну, так, как там насчет системы моего жизнеобеспечения, а? Что ты думаешь по этому поводу, «Р» с мягким знаком? По моему, самое время мне познакомиться со своей личной каютой, принять ванну и немного перекусить?

– Я как раз Вам хотел все это предложить, сэр. Однако...

– Однако, не заговаривай мне зубы! Я хочу попасть в свою каюту, причем немедленно. Будь так любезен, проводи меня туда или хотя бы покажи, где она находится.

– На этом корабле нет кают для экипажа. Это транспортный корабль.

– Не понял. А ну-ка поясни то, что ты сказал. Мне что же предстоит болтаться в этом чертовом кресле в течение всего полета?

– Почти так, сэр!

– Что значит почти?

– Это кресло и есть ваша каюта, сэр! Это новейшая конструкция динамического объема.

– И что мне с этим твоим динамическим объемом делать, безмозглая ты железяка?

– Трансформировать, сэр! Не более того. Причем во все, что Вы пожелаете.

– Неужели, – недоверчиво переспросил Герман, и на его губах появилась язвительная усмешка. – Ну, тогда, дорогое мое кресло, будь так любезно, превратитесь, пожалуйста, в мраморный бассейн, ярко освещенный лучами средиземноморского солнца и доверху наполненный парным коровьим молоком. А еще, пожалуйста, прибавь ко всему этому немножко мелкого песка, пару-тройку кокосовых пальм, облезлого страуса и дельфина в бикини. Ну и как? Мне сказать «Сим-сим», или не стоит?

Если бы только Герман знал о том, что его ждет впереди, он бы, наверное, с удовольствием взял все свои слова и неуместный сарказм обратно. И был бы, несомненно, прав. Потому что, окажись в эту минуту на месте невозмутимого андроида кто-либо из его создателей или, на худой конец, самый последний из грузчиков Плутонианской Космобазы, Герману потом бы долго пришлось отмываться от собственной высокомерной глупости и чванства.

Все дело было в том, что машины, в отличие от людей, к сожалению, не имеют даже задатков чувства юмора.

И прежде чем Герман понял, что именно он натворил, ПКЖ успешно закончил свою трансформацию. Машина в точности, порой даже граничащей с абсурдом, исполнила все его приказания.

Зрелище было поистине удручающим.

Незадачливый космический «волк», еще мгновение назад выглядевший как заправский щеголь в своем черном, с иголки мундире, в одно мгновение приобрел вид в буквальном смысле «мокрой» курицы.

Вытаращив от удивления глаза, Герман барахтался в густой, резко пахнувшей жидкости, доверху заполнявшей белоснежный бассейн. Над его головой, как он того и требовал, ярко светило солнце. Кокосовые пальмы упирались своими кронами в панораму белоснежных облаков. И в довершении всей этой дикой и необузданной фантазмагии какое-то уродливое чудовище, сильно напоминавшее доисторического ящера, важно расхаживало по краю бассейна, голодным и нетерпеливым взглядом косясь в сторону лейтенанта Леваневского.

Герман с опаской огляделся, ожидая увидеть в довесок ко всему прочему еще и так недальновидно заказанного им дельфина в бикини. Но на его счастье, слова «бикини» в лингвистическом словаре Суперкома не оказалось. И «мудрая» машина по этой причине так и не решилась дать волю своей электронной фантазии, справедливо полагая, что «дельфин в бикини «это нечто большее, чем банальное морское млекопитающее».

– М-да, даже уже и пошутить нельзя, – глубокомысленно подытожил все произошедшие с ним Герман. – Слава богу, что мне еще в голову не пришло пожелать, ну скажем...

Герман чуть не поперхнулся от той мысли, которая так беззастенчиво вторглась в его сознание. Но быстро взяв себя в руки, он, все же, решил одним махом исправить то нелепое положение, в котором оказался по собственной глупости.

– Значит так, дорогой мой «Р» с мягким знаком, – решительно произнес он в адрес робота. – Давай-ка всю эту, извини за выражение, кунсткамеру, отправим к чертовой матери и...

Герман на минуту застыл с открытым ртом, судорожно соображая, что к чему. Наконец, он остановился на том единственном, что ему без сомнения не могло принести очередного подвоха.

– И остановимся, скажем, на классической каюте класса «А», – уверенно закончил он.

– Как скажете, сэр! – кивнул ему в ответ андроид, покорно запуская очередную трансформацию ПКЖ.

Очутившись среди до боли знакомых пластиковых стен, Герман облегченно вздохнул и поспешил освободиться от пут своего влажного и холодного мундира.

Затем он ловко соскочил на пол своей каюты, уверенным движением включил галла-экраны и заказал для себя успокаивающий нервы земной пейзаж. Приняв теплый душ и переодевшись в сухую одежду, Герман с нескрываемым удовольствием поужинал жареной рыбой, услужливо приготовленной биосинтезатором, выпил пару кружек кофейного коктейля и, пожелав кораблю и всем его электронным обитателям, спокойной ночи, устало рухнул на свою койку.

Впереди его ждали долгие дни и часы подготовки к полету.

И кто его знает, какие еще сюрпризы ждали его на борту этого необычного транспортного звездолета.

Было десять часов утра по Единому Земному Времени.

Герман чуть приоткрыл свой левый глаз, перевернулся на спину и тупо уставился на мутно-серый шарик, висевший на расстоянии вытянутой руки от его лица.

«А что в моей каюте делает этот чертов облезший глобус» – закопошились в голове лейтенанта сонные мысли.

«Да это же, как его там, новая модификация высокочувствительного пилотского штурвала, – наконец догадался он.

«Точно, штурвал, он и на Марсе штурвал... – продолжая диалог сам с собой, многозначительно изрек Герман. – Вот только от чего он... И почему круглый? И, вообще, где я, черт возьми, нахожусь?»

Герман растерянно огляделся по сторонам, и события прошедших суток начали медленно, но верно выплывать из его памяти...

Назойливый зуммер внешнего вызова буйствовал уже добрых пять минут, прежде чем Герман, наконец, удостоил его своим вниманием.

Наскоро приведя себя в порядок и все еще так до конца и не проснувшись, лейтенант наконец добрался до искрившегося в глубине каюты кристалла сенсор-передатчика и раздраженно бросил в его адрес:

– Ну и кто там еще, черт возьми?

Вас вызывает Плутон – Зеро. Специальная линия связи, – безучастным голосом отрапортовал тот. – Старший инженер Космобазы господин Ли хотел бы обсудить с вами пару вопросов, сэр. Будете с ним говорить?

– Нет, я буду всего лишь любоваться его стереопортретом, – огрызнулся Герман в адрес передатчика, но, быстро сообразив, что машине не суждено понять человеческого сарказма, поспешил добавить: – Давай, соедини. Поговорю я с этим твоим инженером. Хотя, если честно, и так голова раскалывается, а он тут еще со своими вопросами... Шел бы...

Герман не договорил, предусмотрительно скорчив на своем лице невозмутимую мину.

– Доброе утро, лейтенант, – небрежно отдавая честь, произнес Ли. – Как вам понравился корабль и...

Голографический призрак главного инженера Космобазы ехидно заулыбался, прежде чем закончить фразу:

– ... и ваш новый партнер, Герман. Можно я вас так буду называть.

– Почему нет, – благожелательно кивнул Герман, пристально разглядывая своего собеседника.

На вид мистеру Ли было лет тридцать. Он был невысокого роста, имея при этом плотное, хотя и немножко грубоватое телосложение. Держался уверенно, с подобающим его высокому должностному положению достоинством и чванством. Хотя последнее, мистер Ли старался особо не выказывать, с первого взгляда разглядев в лейтенанте Леваневского сильную и достаточно независимую натуру.

– Мне понравился мой новый корабль. Даже несмотря на все его, иногда достаточно странные и пока еще не совсем мне понятные, выкрутасы. Что же касается разных там ТВА-Рей, обитающих на его борту помимо меня, то...

– А, вы о роботе, лейтенант, – быстро догадался по поводу упомянутых Германом «тва-рей» инженер. – Не правда ли, очень остроумное название мы дали вашему электронному помощнику. А? Однако, с ним что-нибудь не так? Он позволил себе нечто такое, что вывело вас из себя?

– Он позволил себе такое, за что на Земле я бы обязательно оторвал ему голову! Не будь он, разумеется, машиной! И уж, конечно, немедленно разорвал бы контракт с вашим ведомством, мистер инженер... Можно я вас так буду называть, сэр? – не удержался от соблазна подковырнуть самолюбие своего собеседника Герман.

– То есть?!

– Эта ваша ТВАРЬ, – Герман выдержал паузу, старательно подбирая самые обидные, по его мнению, ругательства в адрес робота и его создателей. – Эта консервная банка с головным синтезатором и силиконовой мордой. Эта пластиметовая электронная образина... Ну, в общем, вы поняли, кого, а точнее, «чьих»... я имею ввиду...

С чувством собственного превосходства и нескрываемого презрения, нашедшими свое выражение местоимении «чьих», Герман бросил победный взгляд в адрес мистера Ли. И хотя он не был точно уверен в том, что винительным падежом от местоимения ОНО, которым он окрестил робота, является именно слово «чьих» и, что инженер действительно понял смысл его фразы», в эту минуту лейтенант испытывал искренний экстаз от «ослепительного» блеска своего остроумия и находчивости.

– Так вот, – вдоволь насладившись своим триумфом словесности, продолжал он, глядя прямо в лицо своему несколько озадаченному и опешившему собеседнику. – Так вот, мистер инженер. Эта ваша ТВАРЬ, черт бы ее побрал вместе с ее мягким знаком, во-первых любезно пообещала мне просканировать мою память, для того чтобы детально изучить мою личность. Ну и что вы на это скажете, а, сэр?

– По-моему, он просто сболтнул лишнего, – сорвалось с языка мистера Ли откровенное признание. Но быстро осознав то, что он натворил, и в бессильной ярости прикусив губу, главный инженер Космобазы поспешил исправить неожиданно вышедшую из под контроля ситуацию. – То есть, вы не совсем правильно меня поняли. Я хотел только сказать, что этот робот всего лишь машина и, к сожалению, обладает определенными техническими недостатками и несовершенством конструкции. Например, он очень болтлив. Иногда даже не в меру. Кроме того, заложенная в него лингвистическая программа требует существенной доработки. И может быть даже внесения определенных принципиальных изменений. Поверьте мне, Герман, дело обстоит именно так. Неужели вы и вправду думаете, что эта электронная кукла действительно способна бросить вызов своему создателю?! Вторгнуться в самое святое, что есть в каждом из нас – в нашу душу, в наши мысли, в наше сознание, черт возьми. Неужели и вправду так думаете, Герман. Ну, это же полный абсурд, лейтенант. Земной науке никогда не добиться подобного торжества над гением Природы.

– Конечно, я так не думаю, мистер инженер. Это уж слишком! – искусно разыгрывая из себя простачка, согласился Герман.

Однако про себя подумал:

«Электронная кукла, пусть даже и самая совершенная, разумеется, не способна бросить вызов человеку и бесцеремонно вторгнуться в самые сокровенные уголки его души. И уж тем более, она не способна этого захотеть. А вот ее конструкторы, эти чертовы «яйцеголовые», надо полагать, готовы отдать все что угодно за подобную попытку. И вряд ли что-либо способно их остановить на этом ведущим в Преисподнюю пути. Уж, по крайней мере, не угрызения совести. Это точно. Неужели им это удалось? Черт возьми, если это так. Пожалуй, с этой механической куклой надо быть поаккуратней и все время быть настороже. А то, кто его знает, чем все это может обернуться...»

То что мистер Ли откровенно врал у Германа не вызывало ни малейших сомнений. Это было видно даже невооруженным взглядом. Но то, что он, Герман, догадался об этом, пожалуй, лучше всего и, главное, безопаснее для него, было бы скрыть.

– Конечно, я с вами полностью согласен, мистер Ли, – поспешил прервать затянувшуюся паузу и стараясь придать своим словам как можно большую убедительность, невозмутимо заговорил Герман. – По-моему, вы меня тоже не так поняли. Меня возмутили не те намерения, которые изложил ваш робот. А то, каким тоном это было сделано. Вы же понимаете, на любом корабле может быть только один командир. И этим командиром может быть только человек, но никак не машина.

– Полностью с вами согласен, дружище. Я немедленно отдам распоряжение своим техникам, чтобы они как можно быстрее перепрограммировали вашего андроида. И, прежде всего, научили его учтивости, – облегченно выдохнул инженер, наивно полагая, что ему таки удалось провести этого простофилю лейтенанта и взять контроль над ситуацией в свои руки. – Что-нибудь еще, Герман.

– Да, черт возьми, этот ваш робот, еще позволил себе шутить надо мной. Он даже имел наглость заговорить о... – Герман запнулся.

Неожиданно для себя он пришел к выводу о том, что тему секса в их перебранке с роботом вообще-то первым затронул он, а не машина. С одной стороны... И что упоминание обо всей этой истории может выставить его в глазах инженера полным идиотом. С другой. А это уже перебор. Главный инженер, безусловно, не дурак и способен почувствовать момент, когда его оппонент начнет переигрывать. Это не сможет не зародить в сознании мистера Ли подозрений в том, что он, Герман, не так уж прост, каким хотел бы казаться.

– Нет, ничего, по-моему, и так все ясно, – поспешил отделаться ничего не значащей фразой Герман. – Все в порядке. Просто я пока еще очень плохо ориентируюсь в системах управления кораблем. Увы! А если вы займетесь переделкой робота, то будет некому оказать мне содействие в подготовке к рейсу. Я даже не знаю, как мне быть.

– Это не проблема, Герман. Поверь мне! – с готовностью отозвался инженер. – Правда, к сожалению, твой новый напарник, я имею в виду робота, тебе не соврал по поводу того, что доступ на борт звездолета другим людям, кроме тебя, запрещен. По этой причине, я не смогу прислать тебе на подмогу никого из главных конструкторов «Иуды». Но, я обещаю, что меньше чем через час он обязательно с тобой свяжется по мнемосвязи и все его знания поступят в полное твое распоряжение. Так что, тебе не придется скучать, лейтенант. Между прочим, я, кажется, знаю, кого из инженеров отправить тебе в подчинение. Она тебе понравится. Ее зовут Сильвия Каллихен. У нее очаровательная мордашка и хорошие манеры. И это при всем при том, что она прекрасный специалист и в совершенстве разбирается во всех тонкостях управления этим звездолетом.

– Неужели?! – не удержался от сарказма Герман.

– Точно тебе говорю, дружище! – купился на фразу Германа инженер. – Жаль, что ты не сможешь пообщаться с ней вживую. Поверь мне, было бы о чем потом вспоминать в рейсе. Однако, вернемся к нашим делам. У тебя в запасе сорок четыре часа, Герман. И это на все про все. Ровно через неделю старт. Не забывай, пожалуйста, дружище. Я постараюсь выходить с тобой на связь как можно чаще. И Сильвии это обязательно прикажу. Так что, не скучай и немедленно берись за дело. Ко мне еще есть какие-нибудь вопросы?

– Пожалуй, что нет! Как говорится, аппетит приходит во время еды.

– Тогда до связи, лейтенант. И, пожалуйста, приведи себя в порядок, прежде чем с тобой свяжется Сильвия. В твоем распоряжении ровно полчаса. Счастливо, Герман!

– До связи!

Голографический призрак главного инженера начал быстро терять четкие очертания и вскоре бесследно растворился в воздухе.

Герман заказал себе легкий завтрак. Не забыв при этом отдать несколько малозначительных распоряжений Суперкому по поводу своих ближайших планов по изучению корабля и очередности, необходимых для этого виртуальных тренингов. Затем он детально расписал ПКЖ как именно привести рубку «Иуды» в божеский вид в преддверии его, Германа, предстоящей встречи с голографическим призраком очаровательной госпожи инженерши, так он мысленно окрестил Сильвию Каллихен, и, демонстративно не обращая ни малейшего внимания на «Р» с мягким знаком, отправился в душ.

Глава третья Пигмалион и Галатя

2199 год от рождения Христа. Брошенные среди звезд и пылевых туманностей.

Шла уже третья неделя полета.

И четвертая с момента появления лейтенанта Леваневского на борту «Иуды».

Звезды алмазным бисером сверкали во всех четырех иллюминаторах корабля.

Сотни миллионов километров отделяли Германа от границ Солнечной системы. И еще где-то столько же ему предстояло преодолеть до входа в Трансфер Вильяминова. Так что свободного времени у лейтенанта впереди было еще предостаточно.

Он мог бы, конечно, воспользоваться услугами камеры анабиоза. Благо, что она тоже входила в конструкцию «мокрого места» «Иуды. И так бы, наверное, и поступил каждый из звездолетчиков, окажись он на его месте.

Но, во-первых, Герман никогда не был одним из «каждых» и всячески этим гордился. Во-вторых, ему не давала покоя одна, чрезвычайно важная для него, проблема. На решение которой он уже потратил все проведенное им на корабле время и собирался потратить оставшиеся до прыжка сквозь Трансфер дни, недели или даже месяцы.

Одним словом, Герман, лениво развалившись на предоставленном ему ПКЖ ложе, был увлечен, казалось, самым что ни на есть безобидным и банальным по своей сути занятием.

Он мирно и беззаботно болтал с Сильвией Каллихен.

Точнее с ее точной голографической копией, синтезировать и сохранить которую Герману стоило немалых трудов.

Началась вся эта история еще на космобазе.

С первой же их встречи с девушкой в голове лейтенанта зародился немножко безрассудный план, неожиданно легким и быстрым успехом, в реализации которого Герман, с одной стороны, был обязан своей природной тяге к авантюризму, и фантастически благоприятно сложившимся в его пользу обстоятельствам, с другой.

Первым делом, Герман, естественно, изложил свою идею о создании голографической копии Сильвии Каллихен своему верному помощнику – «Р» с мягким знаком. Тот, внимательно выслушав лейтенанта, также естественно ответил нет.

Тогда Герман, мастерски разыгрывая сцену ярости и возмущения, пообещал роботу немедленно связаться с Коллинзом и в деталях обрисовать ему сложившуюся ситуацию. А также потребовать от последнего разрыв своего контракта с Транспортной службой Лиги Наций.

Робот вначале опешил от подобного заявления лейтенанта, так как обсуждение контракта командира «Иуды» с Транспортной службой Лиги Наций явно было не в его компетенции. Однако, немного поразмыслив, «Р» с мягким знаком попросил у Германа тайм-аут для того, чтобы самому связаться с мистером Ли и изложить ему суть конфликта.

Герман согласился, хотя и не сразу.

Не прошло после этого и получаса, как главный инженер Космобазы сам вышел на связь с Германом. И только лишь затем, чтобы заявить свое категоричное «Нет!» на все неожиданные притязания лейтенанта. Герман же в ответ повторил перед ним ту самую сцену ярости и возмущения, которую он перед этим проверил на работе. Мистер Ли, в отличие от робота, был прекрасно осведомлен о сути взаимоотношений между Германом и Транспортной службой Лиги Наций. И поэтому растерялся. Опасаясь, с одной стороны, испортить отношение с ретивым лейтенантом и тем самым поставить под сомнение всю свою дальней-

шую служебную карьеру. О перспективах последней говорить всерьез после такого скандала со срывом транспортного рейса «Иуды» к Трансферу Вильяминава было бы достаточно самонадеянным. С другой стороны, мистер Ли боялся испортить, в свою очередь, и свои отношения с непосредственным шефом Коллинзом, который выслушав от лейтенанта его версию событий, несомненно, догадается о том, что Герману стало известно чуть больше, чем ему было положено. И в этом случае последствия для бедного мистера Ли могли бы быть значительно более печальными, чем даже в случае срыва рейса по его вине.

Мистер Ли заметался в поисках выхода из сложившейся, как ему показалось, тупиковой для него ситуации. И тут его осенило. Будучи достаточно опытным и высокопоставленным чиновником, он сделал именно то, что по его твердому убеждению не могло не поставить на подобающее место этого наглеца лейтенанта и основательно охладить его пыл. Мистер Ли обратился за помощью к Его Высокопревосходительству Закону. Ухватившись как за спасительную соломинку за тот пункт инструкции о подготовке рейса «Иуды», который гласил: «На борту корабля категорически запрещено находиться посторонним людям, за исключением командира корабля лейтенанта Леваневского. Ввиду этого, а также по соображениям безопасности в электронной памяти Суперкома и, соответственно, любых других электронных устройств корабля (В частности, в памяти Тактико-виртуального андроида серии «Р» с мягким знаком, выполняющего на звездолете обязанности второго пилота) не может храниться виртуальная и графическая информации, не имеющая отношения к полетному заданию. Особенно это касается информации, содержащей в себе голографические образы живых людей или поддающихся идентификации андроидов».

Мистер Ли торжественно зачитал этот пункт инструкции Герману и поспешил смерить его с ног до головы победным взглядом.

Однако, и тут его ожидало полное разочарование. Герман тут же парировал самонадеянный триумф Главного инженера, заявив о том, что ему без сомнения прекрасно известен данный пункт инструкции. И он ни в коем случае не собирается его оспаривать. У него, у Германа, даже в мыслях не было что-либо размещать, а уж тем более голограмму Сильвии Каллихен, в памяти Суперкома или «ТВАРЬ «-и. В тоже время, согласно заключенному им с Транспортной службой Лиги Наций контракту, а также установленным для всех подразделений космического флота правилам, член экипажа звездолета и уж тем более его командир имеет право пронести на борт и пользоваться во время рейса личными вещами. Почему же он, Герман должен добровольно отказаться от этого права. Тем более, что ему предстоит достаточно длительный рейс, в котором у него не будет возможности не только общаться с другими живыми членами экипажа, ввиду отсутствия последних, но даже пользоваться услугами Суперкома в развлекательных или познавательных целях. Ввиду, опять же, отсутствия в его памяти не относящейся к полетному заданию информации. Чем же тогда прикажете ему заниматься в свободное от анабиоза и выполнения своих должностных обязанностей время? Разбирать на части Суперком или считать звезды? Так можно и с ума сойти! Ведь он, Герман, не машина, а живой человек! И если с ним что-то случится, кто же тогда будет управлять кораблем?

Последний довод Германа особенно сильно повлиял на Главного инженера Космобазы. И хотя мистер Ли с трудом удержал себя от того, чтобы напомнить лейтенанту о наличии на борту «Иуды» его электронного дублера – «ТВАРЬ «-и, который собственно и должен управлять кораблем в случае выхода из строя его командира, он так и не сделал этого. Интуиция подсказывала ему, что подобным своим заявлением он скорее вызовет у лейтенанта еще пару другую вопросов, на которые ему, как должностному лицу Транспортной службы, уже ни в жизнь не ответить.

Мистеру Ли ничего больше не оставалось делать, кроме как сдаться на милость торжествующего победителя. Именно так он и поступил. Он сдался. Согласившись не только

на то, чтобы самолично просканировать очаровательную головку Сильвии Каллихен, сохранить ее ментальную копию на информационном кристалле и передать его Герману. Мистер Ли согласился даже с тем, чтобы сохранить всю эту историю не только в тайне от Коллинза, но и от самой мисс Каллихен и других сотрудников Плутонианской Космобазы, готовивших «Иуду» к рейсу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.